НЕ УПУСТИТЬ ШАНС

Олег ЕФРЕМОВ,

первый секретарь правления СТД СССР, народный артист СССР

Ровно пятьдесят один год назад, тоже в июне, прошла Первая всесоюзная режиссерская конференция. Там вступительное слово делал Вышинский, режиссер-постановщик главных политических процессов, а в почетный президиум были избраны такие крупные деятели театра советской эпохи, как Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Жданов, Берия.

Это была первая и единственная попытка собрать вместе людей нашей профессии. Говорили о новом социалистическом искусстве, о воспитании актерского коллектива, об особом месте режиссера в советском театре, о вынашивании роли и образном мышлении. Замечательно выступили С. Михоэлс и Ю. Завадский, В. Сахновский и А. Попов. Красиво говорили, вдохновенно. Выступил и Всесоюзный Эмильевич Мейерхольд, который, по его собственным словам, проходил в то время карантин. Он каялся, пытался вымолить себе «прощику от расстрела». Не вымолил — через несколько дней после публичного покаяния он был арестован, а потом уничтожен.

Стоит вспомнить Первую режиссерскую конференцию еще и потому, что именно тогда своими собственными руками вы подписали себе приговор на тот всеобщий режиссерский карантин, в котором пребываем до сих пор. Закабаление театра было частью широко задуманной программы, затрагивающей все общество по вертикали и горизонтали. Вслед за ужасной волной коллективизации, уничтожившей российское крестьянство, были произведены более мелкие набеги, нацеленные на полное и тотальное огосударствление и закрепощение всего театрального мира. Сначала был создан писательский колхоз, потом стационировали театры, приписали и прописали всех артистов и режиссеров по городам и весям, перекрыли вольные русла, по которым текла живая вода российского театрального искусства. Художника, то есть человека свободной профессии по определению, превратили в законопослушного служащего, притом служащего самой непрестижной сферы действительности — сферы обслуживания.

Поначалу, когда стационировали театры, была некоторая эйфория, или, как сказал бы товарищ Сталин, головокружение от успехов: еще бы, теперь актеры или режиссерам не надо было брести из Керчи в Вологду, государство брало на себя многие их житейские заботы, обеспечивало всех нищенским, но равным минимумом. В каждом большом и маленьком городе мог теперь существовать свой МХАТ. Насильственное «начинание», то есть создание единого стандарта театрального организма, спровоцировало подавление художественной инициативы и самостоятельности. Были дружнорят — в виде директора и главного режиссера; на манер того, как было в армии со времен гражданской войны — командир и комиссар, чтобы они могли взаимно следить друг за другом, уравновешивать и при необходимости и уничтожать друг друга. Режиссера назвали главным, наделили атрибутами мнимой интеллектуальной власти: в основном для того, чтобы было с кого спросить.

Создавали и создали государство для чиновников. Создавали и создали театр для чиновников. Участь тех, кто сопротивлялся, была плачевной. Мейерхольдовский финал первой режиссерской конференции стал таким наглядным уроком, который помнили десятилетия.

Те, кто заказывал музыку, платили. И не обязательно деньгами. Нашли гораздо более поощренные способы для того, чтобы держать в узде людей искусства. Совсем не случайно в разгар террора ввели, например, почетное звание «народный артист СССР», которое должно было както облагородить то общехолуйское состояние, в котором оказались вчера еще вольные мастера. Народный артист или заслуженный работник культуры — все равно раб. В сущности все эти подачки и милостыни, от которых мы до сих пор не в силах отказаться, были и остаются формой расплаты чиновничьего государства с крепостным чиновником — актером или режиссером. Звание заменило имя, в театральной среде умножились интриги, грязь, чудовищные способы добывания этих ничтожных привилегий, которые существуют только в тоталитарных системах. Такие же регуляторы ввели и по отношению к театрам, которые стали делиться по рангу на академические и рядовые — и опять-таки тем же бюрократическим произволом, который учитывает все, что угодно, только не мастерство, не искусство, не свободного творца.

Унылые коробки одинаковых театральных зданий, скованность творческой жизни, полная зависимость от партийного или советского бюрократа, неслыханная тотальная идеологизация, невозможность начать новое театральное дело и, наконец, самое главное, абсолютная несвобода творческих отношений, унизительная — снизу доверху — зависимость, в которую поставлены друг перед другом два главных участника театрального процесса — режиссер и актер,— вот основные черты той театральной системы, в которой мы выросли, воздухом которой мы дышали. Мы научились сопротивлению, приспособились в этой системе работать и даже кое-чего добиваться в плане искусства. Но мы привыкли к несвободе. Так привыкли, что за несколько лет перестройки не сумели пока ни в чем существенном изменить саму модель крепостного театра, которая оказалась на редкость устойчивой.

Вот почему мы собрали сегодня Вторую всесоюзную режиссерскую конференцию. На пороге нового общества, которое с такими муками формируется, мы должны понять, что будет с нашим театром в условиях так называемой регулируемой рыночной экономики. Режиссерская конференция предшествует Всесоюзной театральной конференции. От того, что мы решим здесь, в эти два дня, от наших предложений во многом зависит будущее нашего театра. Дальше ждать и оттягивать нельзя, чтобы не произошло то, что сейчас происходит, например, в ГДР. Там тоже много лет говорили о новых взаимоотношениях режиссуры и актеров, театра и города, договорах и контрактах, но ничего не делали, а теперь новую систему должны вводить. Начинать порядком, без промедления и без всякой терапии. У нас есть возможность самим видоизменить нашу театральную жизнь, сделать это профессионально и с меньшими потерями, чтобы не попасть, как это уже бывало, в общую кампанию, когда уже до театра никому не будет дела.

Для того, чтобы не сделать непоправимых ошибок, надо понять существо нынешней ситуации. Это непросто. Мы слушаем исторические заклинания. Все время говорят о наиболее страшном монизме театра, который берется как бы отдельно от всего, и прежде всего от жизни, в которой мы существуем. Все эти доклады разговоры, честно говоря, кажутся мне странной и дамы оскорбительной наивностью. Там мы видим говорить только тот, кто не знает цены свободы, вольного дыхания. А это давняя сейчас есть, оно, безусловно, существует при всей тяжести момента. У нас нет кризиса театра, а есть кризис веры, отсутствие бодрости, нежелание и неумение сделать необходимые практические шаги для того, чтобы привести нашу театральную систему хотя бы к тому уровню свободы, которым теперь владеют в равной мере и в Москве, и в Киеве, и в Риге, и в Волгограде. Надо привести форму в соответствие с содержанием — вот, собственно, главный сейчас вопрос развития театрального дела.

Я не зря назвал Волгоград. Именно там, на Волге, наконец-то совершили долгожданный прорыв и практически показали, что можно быстро и достаточно эффективно построить естественные отношения между людьми искусства, основанные не на крепостном праве, а на условиях цивилизованного договора, которым пользуется весь мир. Правда, что этого захотел город и тогда появился режиссер Ю. Еремин-Крымский, с которым город — лицо его областного управления культуры заключил контракт на три года. Главный режиссер набрал сам ту труппу, с которой он хотел работать, с каждым актером заключил свой срочный договор. А город решил проблему квартир — благо, в новой труппе всего 22 актера и из них семь женщин. И решил проблемы тех, кто прежде работал в этом театре. Оказалось, что тупиковый вопрос с социальными гарантиями, которыми мы себя запугивали столько лет, не такой уж тупиковый, если за это берется тот, кто больше всего заинтересован в хорошем театре,— сам город. Все это звучит как сказка Шахерезады, но это реальность: пустовавший Волгоградский театр полон, билеты продаются на несколько месяцев вперед, труппу не разъедает отрава наших привычных конфликтов, актеры зарабатывают здесь так, как это достойно человека свободной, рискованной профессии.

Я думаю, что в эти два дня мы должны всесторонне обсудить всю цепочку организационно - творческих взаимоотношений, которые необходимо вводить в нашу театральную систему безотлагательно. Эта цепочка сейчас получает законные обоснования — в Советы разных уровней выбраны новые люди, меняется характер власти, вырабатывается новый механизм дотации и налогов, заново осознает свою роль Союз театральных деятелей СССР, который должен, конечно, профессионализировать ся. Можно еще несколько лет утробить на мавиловские мечтания о социальных гарантиях для каждого. Но кто-то должен начать. И я думаю, я убежден, что начать должны режиссеры, люди той профессии, которая гармонизирует и сводит воедино всех художников театра, все театральные интересы. Перейдя на новые отношения с городом, а потом с актерами, режиссеры вступают в зону риска, но без этого дальше нельзя строить театр.

Речь идет, конечно, о так называемых государственных театрах, а их у нас в стране более шестисот — театров, которые находятся на дотации и живут по законам театрально-зрелищного предприятия. Студийное движение, которое приобрело в последние годы такой размах, крепостных проблем, в общем, уже не знает. У них есть другие проблемы, экономические и творческие трудности, но эти театры родились уже не на той зараженной почве, на которой выросли и существуем мы.

Когда-то было сказано, что «поэт в России больше, чем поэт». Мне кажется, еще в большей степени это применимо к профессии режиссера. В нашей стране режиссер — это не только человек, ставящий спектакли. Это создатель театра, автор своего театра, как А. Твардовский был автором, создателем своего журнала. На протяжении десятилетий в советское время режиссер еще должен был выработать в себе способности организаторские, потому что директоров к нам присылали не для практической работы, а в основном как идеологических цензоров.

Вероятно, сейчас, в условиях свободного развития, возникнут (и уже возникли) новые типы театров, которыми будут руководить уже не режиссеры, а драматурги, критики или администраторы. Это очень хорошо, пусть будут самые разные типы театров. Но не будем забывать при этом, что наиболее ценным, обеспечившим нашему театру особое положение в мире, был и остается авторский режиссерский театр, который живет по законам семьи, дома.

Многие семьи разрушены, существуют только формально, очаги давно потухли, потому что творческие отношения людей перестали быть свободными и взаимоответственными. Новая система отношений, помимо всего прочего, должна вернуть в наш театральный дом дух интеллигентности, если хотите, терпимости, взаимного уважения прав друг друга. Ведь, честное слово, иногда ощущаешь театр не как какое-то художественное, радостное дело, а как некую бессрочную каторгу, в которой об искусстве никто уже и не помнит. Все эти советы трудового коллектива, все эти попытки решать театральные дела, как на фабрике, вся эта мнимая демократизация без изменения основы творческого сотрудничества людей в условиях коллективного производства еще больше ударили по режиссуре, подорвали ее и без того тяжкое положение.

Мы предлагаем обсудить на нашей конференции вопрос о создании режиссерской ассоциации, которая бы в гораздо большей степени, чем это происходит сегодня в рамках СТД, занималась проблемами режиссера-профессионала. В сущности, речь идет о создании профсоюза, который бы действительно защищал эту вымирающую профессию. По там данным, что у нас имеется, в стране сейчас около полутора тысяч режиссеров. Их подготовка развита по республикам и регионам, есть более благополучные республики и города, есть совсем неблагополучные. Но везде — режиссерское и актерское бесправие, невозможность работать с теми, с кем хочешь, нищенская оплата труда. Нам предстоит выработать и закрепить в законе социальный статус режиссера, разработать проблему авторского права режиссера и коллективного права театра. Нам надо разобраться с тем, что в течение многих лет, еще со сталинских времен, с театра изымают поборы Литфонда и всякие иные фонды, не имеющие к нам решительно никакого отношения. Есть конкретные предложения по характеру контрактов режиссера с городом и главного режиссера с приглашаемым режиссером — все эти документы мы должны обсудить, чтоб выйти и театральной конференции с конкретными предложениями.

Любая серьезная реформа творческих и трудовых отношений упиралась у нас в прошедшие годы прямо-таки в берлинскую стену взаимного непонимания с актерами. И прямо надо сказать, что актерские претензии очень часто бывали справедливы. Режиссурой занимаются много людей, которых нельзя подпускать к театру ни по профессиональным, ни по человеческим данным. Актеры боятся контрактной системы, чтобы не попасть во власть какой-нибудь агрессивной бездарности. Но в том-то и дело, что только контракт поставит все на свое место и произведет свой отбор в «грудах человеческого шлака», как сказал бы Александр Блок. Он уравняет творцов в своих правах и претензиях и даст решающее слово зрителю, вернее, общественности города, который содержит труппу и обеспечивает ее материально.

Безусловно, в новой системе не все удержатся в профессии, но это в равной степени будет касаться и режиссеров, и актеров. Проблемы социальных гарантий, переквалификации и других способов защиты человека должны взять на себя союзы театральных деятелей вместе с министерствами культуры союзных республик. И если мы в какой-то степени решили важнейшую проблему пенсий, то мы решим и проблему социальных гарантий. При условии, что не подменим ее проблемой защиты бездарности или людей, которые попали в театр по ошибке. А таких, к сожалению, за десятилетия абсурдной нашей жизни накопилось изрядно.

Больше скажу, ведь даже сейчас, в условиях острейшего дефицита жилья, закупоренности всех экономических и иных сообщающихся сосудов общества, вне всяких социальных гарантий происходит миграция театрального населения. По некоторым подсчетам, она составляет до 15 процентов в год от общего числа творческих работников театра. Так чего же нам бояться, если мы посмотрим на эти вещи открытыми глазами и узаконим то, без чего буквально задыхаются наши театры?!

Сейчас режиссер в театре бесправен так же, как бесправен ангар. Это взаимное бесправие, та самая нравственная навоза, о которой я уже говорил. Освободиться нельзя отдельно и сепаратно. Стать свободным режиссер может только вместе с освобожденным, свободным артистом. Поэтому создание режиссерской ассоциации, а в будущем профсоюза, потребует интенсивного создания подобной же актерской ассоциации или профсоюза, который объединил бы всех актеров театра, кино, телевидения и так далее. В конце концов актер везде актер. Разумная система — это всегда система взаимодействия и противовесов, один в зимней природе. Но мы столько лет привыкали жить в неестественных условиях зоопарка и ручной подкормки, что боимся выйти на волю. Говорят, что животные, выросшие в условиях наволи, на могут потом адаптироваться в обстоятельствах свободной, то есть рискованной жизни. Да что там мы, животный мир, вспомните человеческий Февраль, который акт освобождения крестьян, то есть «волю», называл не иначе как несчастьем.

Прошло полвека после первой режиссерской конференции. Закончился полувековой карантин. Мы стоим на пороге отмены крепостного театрального права, сложившегося в недрах сталинского режима, в котором театральная система была маленькой, но составной частью общего устройства. Те, кто собрался в июне 1939 года, не имели никакой реальной возможности противостоять насилию, выданному как награда. Одни надеялись как-то выжить и в условиях закабаления, другие радостно подставили шею под хомут, ища каких-то выгод, третьи искренне поверили в великую утопию, которая стоила стольких жизней, в том числе и жизней наших великих режиссеров-предшественников. Одних доконали в лагерях, других — на партномах и местномах в родных коллективах. Все были поставлены друг против друга для удобства управления и разделения. Теперь у нас есть возможность самим определить свою судьбу и свое будущее. Надеюсь, что этот шанс вторая режиссерская конференция не упустит.